

Г. В. ТАЛИНА

**Всея Великия и Малыя и Белыя России
самодержавие**

<Фрагменты>

1

Центральное управление: пути реформирования

Становление абсолютизма в России активизировало поиск моделей системы государственной власти. Изменения затронули не только Боярскую думу и принципы взаимоотношения этого органа с монархом, но распространились и на высшие звенья управленческого механизма. К центральным органам управления в третьей четверти XVII века, в первую очередь, можно отнести комиссии «на Москве» и приказы. Относительно ранний этап становления государственной системы, соответствующий периоду, выразился в том, что ветви управления и суда еще не были разделены.

Комиссии «на Москве»

Одним из важнейших государственных новообразований XVII века, появившимся в период, последовавший за смертью царя Алексея Михайловича, по праву считают Расправную палату¹. Как и большинство органов допетровской России, это государственное новообразование не было явлением, не имевшим исторических корней, созданным на пустом месте. Истоки деятельности Расправной палаты восходят к практике функционирования одной из самых традиционных государственных структур — комиссии «на Москве». Возникновение Расправной палаты при Федоре Алексеевиче во многом было предопределено теми изменениями в положении и статусе комиссий «на Москве», которые происходили в результате реформирования государственного аппарата Алексеем Михайловичем.

Существование такого органа, как Комиссия «на Москве», во многом было связано с представлениями о реальном и символическом значении царской власти. При этом царская власть как сила, действующая и принимающая важнейшие государственные решения,

и царская власть как символ неразрывно сплелись воедино. Все, что было связано с царем, имело для русского общества и государства крайне важное значение; предметы, принадлежавшие царю, были освящены его именем и положением. Отсюда проистекал ряд обычаев и традиций. Так, особым видом жалования подданных стало наделение их шубой с царского плеча или яствами с царского стола. Глубоко символическую роль играло и царское место (помещение, где присутствует царь). Быть допущенными в него означало войти в близость к царской особе. Это также рассматривалось как вид пожалования. Данные традиции отношения ко всему царскому или великокняжескому складывались на протяжении долгого времени, черпая истоки в византийском церемониале, получившем широкое развитие со времени Ивана Третьего, усиливаясь в период принятия царского титула Иваном Грозным. Дополнительным толчком в развитии и осмыслении этой идеи стал период Смуты, постигшей Россию в начале XVII века. После Смуты пришло понимание значимости и важности для России преемственной, наследственной царской власти, необходимости ее сохранения и развития. «Царское место» с этого времени стало ассоциироваться не только с одним из атрибутов власти, но и с необходимостью сохранения этого символа, оберегания его от притязаний тех, кто права на него не имеет. В силу того, что в рассматриваемый период положение столицы прочно заняла Москва, а Кремль и находящиеся в нем царские палаты также стали одним из атрибутов русского самодержавия, именно эта территория воспринималась как неразрывная часть внешнего проявления самодержавия.

На протяжении всего XVII столетия продолжала развиваться традиция «оберегания» царского двора и столицы в период отсутствия государя. Она не была нова, т. к. явно прослеживается по документам XVI столетия. Представители царя должны были оставаться на его месте, даже в том случае, если он покидал его на короткое время и оставался на территории Кремля. Эта традиция сохранилась и при Алексее Михайловиче и его ближайших преемниках.

Как правило, роль оберегателя царского места играл кто-либо из высокопоставленных чинов Боярской думы, в боярском чине, из первостепенных родов. Между тем в документах того времени не прослеживается мысль, что хранительницей царских чертогов и царского престола в отсутствие царя является Боярская дума. Напротив, назначение специальных лиц для данной процедуры как бы еще раз подчеркивало особое значение царской власти, невозможность передоверить царские полномочия какому-либо из существовавших государственных органов.

В тех случаях, когда царь совершал государев выезд и покидал Москву, для оберегания столицы и царского двора назначалась целая представительная комиссия. Документы этого времени не зафиксировали строго устоявшегося названия для данного органа. «Комиссия» — термин весьма условный. Современники же о членах этого органа писали и говорили «оставлены на Москве».

В исторической литературе о роли и функциях комиссий единого мнения не существует. Было выдвинуто предположение о том, что Комиссия для оберегания Москвы уже с 18 мая 1654 года стала приобретать черты сложившейся при Федоре Алексеевиче Расправной палаты. В этот момент царь Алексей Михайлович, уезжая на войну с Польшей, указал «быть на Москве для своих государевых расправных дел» боярам и думным людям: боярину М. П. Пронскому, боярину И. В. Хилкову, окольников И. А. и Ф. А. Хилковым, В. Г. Ромодановскому и дьяку А. Иванову*. Комиссия «для государевых расправных дел» на этот момент стала высшим органом, ведавшим столицу в отсутствие царя. Делается предположение и о том, что в 1650–1670-е годы Комиссия выполняла функцию временной судебной инстанции, период действия которой ограничивался временем отсутствия царя. В это же время роль высшей судебной инстанции принадлежала Боярской думе. В силу подобной роли Комиссии работа в ее составе требовала определенных навыков. Доказательством востребованности этих навыков служит тот факт, что в Комиссию не назначались люди, работавшие в военных и финансовых приказах. В ее работе принимали участие те, кто служил в Московском и Владимирском судных приказах, Разбойном, Сыском, Холопьем, Земском приказах, реже — те, кто служил в территориальных приказах — Казанском и Сибирском дворцах.

Исходя из документов периода царствования Алексея Михайловича, Комиссию вряд ли можно рассматривать исключительно как судебную инстанцию. Для определения роли и границ ее полномочий показательна грамота царя Алексея Михайловича к воеводе И. Ф. Бутурлину, в которой царь сообщал, что уходя в Польский поход, «оставил на Москве... Г. С. Куракина с товарищи и указал боярину нашему писать от сына нашего царевича и великого князя Алексея Алексеевича о всяких делех»**. Царь, уезжая из Москвы,

* Дворцовые разряды (ДР). СПб., 1850–1855. Т. 3. Ст. 412–413; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Столбцы Московского стола. Ст. 1138. Л. 45; Седов П. В. Социально-политическая борьба в России 70–80-х гг. XVII в. и отмена местничества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1985.

** Записки отделения русской и славянской археологии Санкт-Петербургского археологического общества (ЗОРСА). Т. 2. СПб., 1861. С. 714.

лишался возможности лично контролировать разные вопросы государственного управления, вызревавшие там и стекавшиеся в столицу из разных мест. Для заполнения этого вакуума, начиная с 50-х годов XVII века, царь Алексей Михайлович постепенно начал создавать систему органов исполнительного характера, через которые в жизнь проводилась личная царская инициатива, и которые по своей сути являлись аппаратом личного царского контроля и управления. Двумя основными звеньями этой системы стали Комиссия «на Москве» и приказ Тайных дел. Задача Комиссии чаще всего состояла в выполнении решений царя по тем наиболее значимым вопросам, о которых члены Комиссии предварительно отписывали государю. Котошихин писал о Комиссии и ее функциях, что кроме оберегания царского двора и Москвы «если случатся какие дела из полков или городов, и они те дела, кроме тайных, смотря посылают царю в поход, а по иным делам указ чинят, не писав к царю, по которым мочно»*.

В середине 50-х годов XVII века проблемы взаимоотношения усилившейся Комиссии «на Москве» и Тайного приказа не существовало. В 1654 году перед польским походом царя Алексея Михайловича Тайный приказ еще находился в зачаточном состоянии, это было время создания и становления этого органа.

Поскольку в начальный период польской кампании органы, в дальнейшем служившие для проведения в жизнь личной царской инициативы, а также для осуществления контроля со стороны высшей власти над остальными инстанциями, были еще крайне малочисленны, то Алексей Михайлович нуждался в тех органах, размещавшихся в Москве, через которые он мог управлять столицей и следить за тем, что делается в ней. Обойтись без Комиссии «на Москве» государю было сложно, поскольку для превращения Тайного приказа в разветвленную структуру, пронизывающую деятельность других органов своими щупальцами, требовалось долгое время. Гораздо легче на первых порах было в построении этой системы идти в двух встречных направлениях, создавая приказ, руководимый лично царем, и превращая Комиссию в проводника и исполнителя царской инициативы.

Тот факт, что в 1650-е годы Комиссия мыслилась как исполнитель и проводник царских решений, подтверждает следующая ее особенность, наиболее четко появившаяся именно в этот период. Если традиционно Комиссия выступала в роли хранителя высшей власти, принадлежавшей царю, то теперь государевы указы с особой тщательностью подчеркивали, что высшую власть на период отсутствия

* Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 53; Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. СПб., 1919. С. 428.

в Москве царя олицетворял наследник и царица. Комиссия же должна была действовать при этих персонах. Подтверждением тому служит ранее рассмотренная царская грамота к воеводе И. Ф. Бутурлину, в которой царь сообщал, что оставил на Москве, уходя в поход, «Г. С. Куракина с товарищи», чтобы те отписывали царю о всех делах от имени наследника Алексея Алексеевича*.

Контроль за деятельностью Комиссии осуществлял сам царь, он же брал на себя функцию формирования этого государственного органа и своевременного обеспечения подчинения распоряжениям Комиссии различных должностных лиц. Деятельный Алексей Михайлович сопровождал процесс назначения Комиссии рассылкой личных царских грамот тем инстанциям, для которых было важно тесное взаимодействие с членами Комиссии, или же неподчинения которых решениям данного органа царь мог опасаться. Отправляясь в польский поход и оставляя на Москве Г. С. Куракина «с товарищи», царь Алексей в личной грамоте к воеводе Н. Ф. Бутурлину сообщал ему о назначении Комиссии и велел воеводе исполнять все ее требования «безо всякие волокиты, со всяким усердием». Нарушение этого правила могло привести к наказанию, о чем царь также предупреждал: «а есть хотя мало обленитесь, и не станете слушать, ... и вам быть в нашей государевой опале»**. При этом подобные грамоты писались тогда, когда царь еще находился в столице, чтобы предотвратить недовольство или возражения. Царь руководил работой комиссий при помощи грамот, посылаемых к ним, оставаясь главной инстанцией в решении вопросов различного уровня.

В силу того, что царь в своей государственной деятельности был тесным образом связан с различными звеньями аппарата центральной и местной власти и управления, Комиссия на время походов государя становилась посредником между ним и другими государственными инстанциями. Комиссия выступала в роли посредника между царем и Боярской думой, царем и приказами, царем и воеводами. В правление Алексея Михайловича связь Комиссии с приказами и воеводами была гораздо более тесной, нежели с Думой. Причина этого заключалась в том, что в отсутствие государя Боярская дума не собиралась регулярно. Чем более царь стремился к ограничению этого органа, тем меньше вопросов Дума могла рассматривать самостоятельно, тем меньше была необходимость ее сборов в отсутствие царя.

Одновременно с этим практика проведения заседания Боярской думы по месту пребывания царя также исключала необходимость

* ЗОРСА. Т. 2. С. 714.

** ЗОРСА. Т. 2. С. 717.

вмешательства Комиссии в отношения между Думой и государем. Значительное число представителей Думы на основании царского указа сопровождали царя, присутствие Думы перемещалось вслед за ним из столицы, отдаляясь от Комиссии. Лишь в некоторых случаях, связанных с экстренными ситуациями, когда царь повелевал произвести заседание Думы в Москве без его участия, роль Комиссии сводилась к созыву бояр.

Взаимоотношение Комиссии с приказами и воеводами было более активным. Деятельность Комиссии в целом проходила в тесном сотрудничестве с приказным аппаратом. Это взаимодействие предопределило наличие у Комиссии судебных функций. Приказы являлись источником большинства дел, которые приходилось решать Комиссии. Для первой половины XVII столетия было характерно спорные дела из приказов выносить на заседание царя с Боярской думой. В третьей четверти XVII века все более складывалась практика личного доклада глав приказов царю. Постепенно эта практика стала увеличиваться. В тот период, когда царь отсутствовал в Москве, приказы, естественно, продолжали функционировать и заниматься рассмотрением вопросов как мелкого, так и крупного характера. В то же время наметившаяся тенденция абсолютизации царской власти не могла согласовываться с практикой вынесения спорных дел из приказов в отсутствие царя на самостоятельное рассмотрение Боярской думы. Кроме того, в отсутствие государя Дума не имела права принять постановление, имевшее силу закона. Приказная же работа в ряде случаев требовала спешности в решении.

В силу всех перечисленных особенностей взаимодействия и функционирования царя, Думы и приказов в отсутствие государя спорные вопросы приказы выносили в Комиссию, которая в единении с царским наследником и царицей олицетворяла царскую власть на короткий промежуток времени. Часть таких дел Комиссия могла разрешить самостоятельно. В случаях затруднения с их решением члены Комиссии отправляли гонца к государю в поход для получения его личного решения по делу.

Взаимоотношения Комиссии и приказов при Алексее Михайловиче строились по двум основным направлениям «снизу вверх» и «сверху вниз». Иными словами: в первом случае приказы по спорным вопросам обращались к Комиссии, та решала те из них, что могла на основании существовавших законов решить сама, по остальным обращалась «в поход» к царю; во втором случае царь поручал Комиссии выполнить те или иные задания, те из них, что Комиссия могла решить при помощи незначительного количества своих членов, она решала самостоятельно, а для решения более масштабных задач, требующих

использования приказного аппарата, Комиссия выходила на приказы. Аналогичной данной была и работа Комиссии с воеводами.

Механизм этой работы был несложным, отработанным многолетней практикой. Его можно проиллюстрировать примерами. Один из них относится к практике реализации Комиссией царских распоряжений и указов. Во время царского военного похода 1655 года, когда в столице разразилась чума, царь отдал распоряжение Комиссии предотвратить распространение эпидемии. Мера могла быть реализована благодаря исключению притока в столицу тех лиц, что находились на окраинах. Последние подчинялись воеводам. Для решения задачи Комиссия должна была связаться с главами местного управления. Предписывая такой шаг, 13 июля Комиссии во главе с Г. Г. Куракиным была направлена грамота царя Алексея, повелевавшая разослать грамоты воеводам «украинных городов», чтобы те приняли меры к недопущению к городам, им подчиненным, донских казаков, способных стать разносчиками инфекции»*.

Другие примеры показывают работу Комиссии при прохождении дел «снизу вверх» от населения или приказов и воевод через Комиссию к государю.

В 1674 году по случаю убийства старосты Серебряного ряда рядцы подали челобитную в Комиссию об аресте убийц. Председатель Комиссии дал распоряжение взять убийц для расспроса в Стрелецкий приказ. Приказ на основании допроса представил в Комиссию доклад. Комиссия сформировала дело, в которое вошли расспросные речи и доклад приказа, и направила его к царю в Преображенское для слушанья с представителями Боярской думы. Высшая власть, рассмотрев дело, отослала Комиссии указ пытать преступников в Стрелецком приказе**.

11 сентября 1674 года прибыл гонец из Царицына от стольника Данилы Ивановича Траханиотова с отпиской в Казанский дворец. Его руководители боярин князь М. Ю. Долгорукий и думный дьяк Г. С. Караулов «о том гонце докладывали боярина князя Г. С. Куракина с товарищи» (то есть оставленных на Москве боярина князя Г. С. Куракина, окольничего Н. М. Боборькина, думного дворянина И. А. Прончищева, думного дьяка Г. С. Дохтурова), и «боярин князь Григорий Семенович с товарищи указал того гонца послать с отписками в поход к Великому Государю в село Коломенское»***.

* Акты Московского государства, изданные императорскою академией наук (АМГ). Т. 2. СПб., 1894. № 678.

** Ключевский В. О. Боярская дума... С. 428.

*** ДР. Т. 3. Ст. 1014

Если взаимосвязь Комиссии с царем, приказами и воеводами была закреплена и отработана постоянной практикой, то вмешательство иных сторон в работу этой налаженной системы носило ситуативный характер. Такой стороной в ряде случаев мог выступать патриарх (или митрополит в период до установления в России патриаршества). Существенной необходимости вмешательства высшего церковного иерарха в функционирование государственного механизма не было. Практика оставления Москвы на патриарха (митрополита) и Комиссию скорее являлась показателем излишних претензий высшего духовного лица на светскую власть. Далеко не все церковные иерархи осуществляли в отсутствие государя в столице контроль за деятельностью Комиссии. Их функция председателя Комиссии, как правило, соответствовала начальному периоду правления того или иного царя. Так, в начале царствования Ивана Грозного в 1547 и 1548 гг., когда царь уходил в поход на Казань, в Москве были оставлены удельный князь Владимир Андреевич и шесть бояр и окольничих, которым было велено (как сообщает разрядная книга) «во всех своих делах...приходити к митрополиту Макарию»*. Правление Алексея Михайловича на первом своем этапе столкнулось с чрезмерными притязаниями на власть патриарха Никона. Документы времени польского похода Алексея Михайловича свидетельствуют о том, что властолюбивого патриарха отстранить от деятельности Комиссии не удалось. В то же время сама светская власть не считала патриарха неременным и необходимым звеном государственного управления, поскольку не разрабатывала отлаженной и четко выстроенной системы взаимодействия всех существенных звеньев государственного механизма с участием патриарха. Ряд дел решались с ним, в ряде случаев спокойно обходились без него. Комиссия во главе с М. П. Пронским в 1654 году исполняла различные требования царя, вызванные войной: собирала и высылала в действующую армию людей, припасы и деньги. Между тем, Пронский о том, что он делал, был обязан писать патриарху. Комиссия на имя Никона отправляла запросы, как поступать в том или ином случае. На часть из поставленных проблем Никон давал ответ, оформляя его в виде указов от имени царицы и царевича, по другим — сам спрашивал указа Алексея Михайловича. Комиссия также сносилась непосредственно с царем помимо Никона, что еще раз подчеркивало, что в данной системе патриарх был лишним придаточным звеном, дополнительной инстанцией между Комиссией и царем. Существенной и необходимой его роль могла быть только

* Ключевский В. О. Боярская дума... С. 426.

при обсуждении наиболее серьезных проблем, связанных с утверждением законов, предоставлением прав той или иной территории, подтверждением ранее имевшихся привилегий. Вопросы высокого уровня в русском государстве XVII века, как правило, и в период нахождения царя в Москве требовали непрямого участия патриарха. (Например, судьба местничества и прохождения указов, с ним связанных, во многом зависела от последнего.) Вмешательство же в общие вопросы управления Москвой, в решение текущих проблем со стороны патриаршей власти вряд ли может быть расценено как необходимость.

Хорошо видна система участия патриарха в работе Комиссии в деле, связанном с ходатайством киевлян о подтверждении прав, данных их городу прежними польскими королями. Царь Алексей дал указание рассмотреть их челобитную патриарху с Комиссией. При этом у представителей Комиссии естественно возник главный вопрос по делу подобного ранга: чем руководствоваться при обсуждении статей? Решение об этом было принято самим царем, предписавшим патриарху и Комиссии утверждать только те статьи, которые согласовывались со старыми польскими актами, предоставленными Киевом, и с правами, ранее данными Переяславлю. Киевляне помимо этого просили о новых правах. Относительно их предоставления существовала четкая установка, определяющая царские прерогативы в этом деле. По всем вопросам, которые не были прописаны в прежних польских законах, следовало писать государю для получения его решения.

Списки статей читались боярам дважды. В первом чтении бояре приговаривали «справиться с прежними королевскими привилегиями» или с жалованной переяславской грамотой и «быть по-прежнему». Дьяк наводил справки, делал пометы на полях, служившие основанием будущей резолюции. При повторном чтении бояре приговаривали: «Быть так, как указано в дьяческой помете».

После этого статьи направлялись для рассмотрения патриарху. По каждой резолюции Комиссии он давал свой указ, по большей мере утверждавший боярский приговор. По этим приговорам составлялись жалованные грамоты, отсылавшиеся к Алексею Михайловичу для окончательного обсуждения с Боярской думой и утверждения*.

Постепенное усиление царской власти выражалось в отстранении патриарха от работы Комиссии и в увеличении постоянных контактов Комиссии с государем, в необходимости отписывать к нему, советоваться и получать его распоряжения по вопросам различного уровня и сложности. В итоге складывалась целая система деловой переписки между царем и Комиссией.

* Ключевский В. О. Боярская дума... С. 427–428.

Царское распоряжение, адресованное Комиссии, могло быть выражено как в письменном указе, так и в устной форме. Указ имел строго определенную дату, которую фиксировали и сам указ и ряд других документов, чье содержание касалось взаимоотношений царя и Комиссии, таких как «Дворцовые разряды». Устные распоряжения царя, как правило, передавались в переписке лиц, составлявших царское сопровождение в походе, к членам Комиссии. И те и другие имели ярко выраженные официальные полномочия, поскольку их поименный перечень фиксировался специальным царским указом о назначении в Комиссию или «в поход». В период царствования Алексея Михайловича было установлено правило, согласно которому государя сопровождал для ведения переписки один из думных дьяков. Со временем его роль стал выполнять тайный дьяк, чья должность стала результатом творчества в области расширения государственных органов и структур самого Алексея Михайловича.

Особенностью состава Комиссий разного времени, несмотря на изменение структуры и численности этого органа, оставалось наличие думного разрядного дьяка. Некоторым исключением был период 60-х годов XVII столетия. Выполнение всех мелких детальных царских поручений, слежение за самой процедурой выполнения всех поручений, максимум переписки ложилась именно на его плечи. В отличие от всех остальных членов Комиссии, дьяк являлся профессиональным чиновником, чьи функции в конце царствования Алексея Михайловича все более и более приобретали постоянный характер. Данная тенденция стала закономерностью, что подтверждается ее сохранением в правление преемника царя Алексея Михайловича — Федора Алексеевича*.

Во второй половине XVII века назначение комиссий «на Москве» являлось традиционной, постоянной и хорошо отработанной практикой. Между тем, состав этого органа вовсе не отличался постоянством. По данным Котошихина, работа которого, как известно, относится к 60-м годам XVII века, Комиссия состояла из одного боярина, двоих окольничих, двоих думных дворян, одного думного дьяка. По различным документам XVII века, в частности, по разрядным книгам, «Дворцовым разрядам» это правило прослеживается далеко не всегда, да и правилом в целом считаться не может. В разное время в Комиссию входили четыре, пять, восемь и пр. количество человек.

* За время царствования Федора Алексеевича только «Дворцовые разряды» отметили назначение и функционирование 46 Комиссий, в 42 из которых принимал участие думный разрядный дьяк Василий Григорьевич Семенов.

Со времени Михаила Федоровича закрепились практика назначать в Комиссию 4–5 человек. Комиссию возглавлял думный боярин. Помимо него в этот орган мог входить еще один представитель боярского чина. Третьим лицом в Комиссии являлся окольный, четвертым — думный дьяк. При увеличении числа Комиссии до 5 человек, дополнительный член находился в боярском или же окольном чине. Место окольного в некоторых случаях мог занять и думный дворянин.

Обращаясь к документам, отражающим состав Комиссии во второй половине 60-х годов XVII века, становится ясно, что состав этого органа сократился от четырех-пяти до двух-трех человек (думный или ближний боярин и окольный). Примеры тому многочисленны. 19 ноября 1667 года в Комиссию входили боярин князь Г. С. Черкасский, окольный В. С. Волынский; 28 ноября 1667 г. — боярин кн. Г. С. Черкасский, боярин князь И. А. Хованский, окольный князь И. Д. Пожарский; 3 декабря 1667 года — боярин князь И. А. Воротынский, окольный В. С. Волынский, думный дворянин С. И. Заборовский; 7 и 27 декабря 1667 года — боярин князь И. А. Хованский, окольный О. И. Сукин; 28 декабря к ним присоединился боярин И. А. Воротынский; 3 апреля 1668 года в Комиссии вновь были боярин князь И. А. Хованский и окольный О. И. Сукин; 4 апреля 1668 года — ближний боярин князь И. А. Воротынский, окольный О. И. Сукин*.

С усилением царской власти во второй половине царствования Алексея Михайловича, с распространением функций самого царя на все более широкий круг вопросов, органы, подобные Комиссии, становились все более формальными. Царь контролировал столицу и государственные дела, как находясь в Москве, так и вне ее пределов. В тот период, когда все больше закреплялась практика перенесения заседаний Боярской думы в любую из царских резиденций по месту пребывания самого государя, Комиссия «на Москве» становилась тем органом, который был обязан своевременно проинформировать царя о происходящем и тем самым передоверить решение проблемы ему.

Из органа, наделенного как административными, так и судебными функциями, Комиссия во второй половине 60-х годов едва не превратилась в обыкновенный исполнительный орган. Сокращение числа членов Комиссии было следствием этого. Роль Комиссии стала заключаться в быстром и оперативном предоставлении царю нужной ему информации, своевременном выполнении принятых им решений при помощи приказного аппарата и местной

* ДР. Т. 3. Ст. 696, 701, 702, 711, 736, 743, 744, 828 и др.

власти. Для этого вполне хватало и двух знающих и компетентных представителей в данном органе. В целом, попытка упрощения принципов функционирования структур, доставшихся Алексею Михайловичу от времени предшественников, ускорение их деятельности — характерная черта этого царствования. Тенденция сокращения численности и функций Комиссии вполне сочеталась с такими мерами, как подмена Боярской думы Ближней думой, сокращение численности думных членов, реально принимавших участие в обсуждении и решении дел с царем.

Между тем указанная практика не смогла закрепиться надолго. К началу 1670-х годов Комиссия была вновь восстановлена в прежнем составе. К этому моменту во внутренней политике Алексея Михайловича столкнулись две тенденции реформирования государственного механизма. Обе были связаны с усилением и абсолютизацией царской власти. Между тем, по своей сути и воплощению эти тенденции противоречили друг другу, и в итоге одна сменила другую. Первая была связана с тем, что усиление личной власти царя выразилось в передаче на непосредственное рассмотрение и решение Алексея Михайловича значительного круга как мелких, так и существенных вопросов. В целом, расширилась роль самого царя в системе государственной власти и управления. Была предпринята попытка сократить численность некоторых структур и передать часть их функций государю.

Одновременно с этим формировалась и иная тенденция, связанная с разветвлением аппарата, при помощи которого проводилась в жизнь личная царская инициатива. Этот процесс был связан с новым этапом развития абсолютизма. Новый аппарат и старые органы по своему составу не были совершенно одинаковы. В новых структурах усиливался бюрократический элемент, что и определяло их соответствие становившемуся в России абсолютизму.

На примере состава комиссий «на Москве» эту тенденцию можно наглядно проследить. В этом отношении характерную информацию дают записи «Дворцовых разрядов» 1675 года, достаточно подробно фиксирующие состав комиссий из года в год на протяжении многих царствований.

В этот период произошли изменения в численности и принципах компоновки как комиссий, оставленных «вверху» (в отсутствие царя в Кремле, но нахождении в рамках столицы), так и «на Москве» (в отсутствие царя в столице). Структура комиссий разветвилась и усложнилась. Если ранее комиссии «вверху» могли состоять из одного или двух человек, а комиссии «на Москве» — из четырех-шести человек, то к концу царствования Алексея численность как тех, так

и других могла достигать более двух десятков членов. Кроме того, комиссии предшествующего периода являлись единой структурой, в которой нельзя было выделить нескольких формирований, в середине 1670-х годов эта практика нарушилась. Рассмотрим данные изменения более подробно.

Комиссии нового образца стали делиться на две относительно самостоятельные части. Первая из них изначально была идентична прежней, традиционной комиссии из четырех-пяти человек (боярина, окольничего, думного дворянина, думного дьяка в различных комбинациях). Помимо этого, назначались специальные люди при особах царствующего дома: царице, наследнике, царевнах и младших царевичах. При этом при царице Наталье Кирилловне, как правило, оставались ее отец боярин Кирилл Полуэктович Нарышкин и боярин Артамон Сергеевич Матвеев. В их подчинение попадали несколько стольников и ближних людей. Среди них нередко можно встретить представителей клана Нарышкиных — Афанасия и Ивана Кирилловичей. При наследнике Федоре Алексеевиче оставался свой штат во главе с дядькой царевича боярином князем Федором Федоровичем Куракиным. В его подчинение попадал второй дядька наследника — окольничий Иван Богданович Хитрово и стольники. При царевиче-наследнике и ранее всегда присутствовали его стольники, но теперь они стали заноситься в официальные разряды без указания поименного перечня. Иван Алексеевич, достигший на тот момент возраста назначения к нему дядьки, также оставался под присмотром этого должностного лица (им был стольник и ближний человек Петр Иванович Прозоровский) и своих стольников. Помимо данных членов модифицированной Комиссии назначались должностные лица при старших царевнах и при младших царевнах. Наиболее часто среди них встречались думный дворянин Авраам Никитич Лопухин, стольник и ближний человек Петр Иванович Матюшкин, стольник Борис Гаврилович Юшков. В ряде случаев А. Н. Лопухин входил в состав лиц, оставленных при царице*.

Таким образом, при выходе царя из Кремля, но не за пределы Москвы назначалась состоящая из двух частей Комиссия «вверху»; при выезде из столицы — Комиссия из двух частей — «вверху» и «на Москве».

Создание двух официально признанных, оформлявшихся каждый раз на основании царского указа подструктур Комиссии, позволило при исключении возможности местнических счетов ввести в состав этого органа представителей нового окружения царя Алексея,

* ДР. Т. 3. Ст. 1201, 1202, 1352.

наделив их достаточной свободой действия. К таковым, в первую очередь, следует отнести К. П. Нарышкина и А. С. Матвеева. Учитывая роль А. С. Матвеева в последние годы царствования Алексея Михайловича, можно сказать, что новые принципы формирования комиссий «на Москве» позволяли в отсутствие государя передать власть в столице его «первому министру», избежав повода для его столкновения с Одоевскими, Долгорукими и пр. Роль К. П. Нарышкина (царского свойственника) возрастала, на нем в немалой степени лежали задачи отстаивания позиций своего семейного клана в борьбе с аристократами при дворе и создания новой родственной опоры Алексея Михайловича в противовес ослабевшей при смене цариц партии Милославских.

Необходимость разделения Комиссии при введении в нее новых царских фаворитов, безусловно, крылась в продолжавшем свое существование местничестве. При этом ввести Матвеева или Нарышкина в прежнюю Комиссию на руководящую должность было крайне затруднительно, так как «в чести» они уступали не только первому, но и подчас второму члену этого органа. Если такое назначение все же происходило, то Матвеев или Нарышкин могли оставаться только одним из товарищей главы Комиссии. Например, 17 марта 1675 года Матвеев был вторым вслед за боярином Н. И. Одоевским. Однако в эту Комиссию помимо данных лиц входил только тайный дьяк Д. Полянский, не имевший возможности соперничать в местничестве даже с Матвеевым. Позиции же Н. И. Одоевского при дворе Алексея Михайловича на протяжении всего этого царствования были столь прочны и высоки, что посягать на соперничество с ним ни Матвееву, ни царским фаворитам и сподвижникам равного с Матвеевым уровня не приходилось.

При иных назначениях спор за власть был практически неизбежен. Если посмотреть на две части ряда комиссий 1675 года, то видно, с кем из аристократов приходилось служить Нарышкину и Матвееву. Так, 23 января 1675 года при походе царя в Коломенское Матвеев был поставлен во главе лиц, оставленных при царице, а «на Москве» были оставлены члены Комиссии во главе с боярином князем Алексеем Андреевичем Голицыным. 27 февраля 1675 года при выходе царя в Воскресенский монастырь Матвеев был оставлен при царице, а традиционную Комиссию «вверху» возглавлял боярин князь Никита Иванович Одоевский. 17 марта 1675 года, во время выхода царя в девичий Алексеевский монастырь, Нарышкин был старшим из оставленных при царице, основную Комиссию «вверху» возглавлял Н. И. Одоевский. 23 марта 1675 г. во время похода царя на Воробьеву гору лиц, оставленных при царице, возглавлял

Нарышкин, основную Комиссию «на Москве» — боярин князь Иван Алексеевич Воротынский. Во время выходов царя на Вербное воскресенье и вслед за этим в церковь Воскресенья и ряде других случаев в апреле 1675 г. традиционным главам подкомиссии при царице Матвееву и Нарышкину противостояли отставленные в основной Комиссии «вверху» бояре Н. И. и Я. Н. Одоевские, боярин и оружейничий Б. М. Хитрово, в ряде случаев входившие в основную Комиссию вдвоем и втроем. 10 апреля 1675 года при выезде Алексея Михайловича в загородные монастыри при царице вновь были оставлены Нарышкин и Матвеев, основную Комиссию возглавлял боярин князь Григорий Семенович Куракин. 27 апреля 1675 года при походе царя в Измайлово и 17 мая при походе царя в село на Остров при царице были Нарышкин и Матвеев, в Комиссии «на Москве» — боярин князь Иван Алексеевич Воротынский, боярин Петр Васильевич Шереметев, окольный Василий Семенович Волынский и др. 10 мая 1675 года были произведены практически те же назначения, что и в и предыдущем случае, за исключением того, что в Комиссии «на Москве» не было И. А. Воротынского, ее возглавлял боярин Р. В. Шереметев*.

Таким образом, выдвижение на лидирующие позиции при дворе в конце царствования Алексея Михайловича сравнительно худородных сподвижников царя приводило Алексея Михайловича к необходимости искать новые принципы комплектования комиссий. За данной причиной крылась другая (более глубинная и серьезная), а именно: необходимость поиска путей обхода принципов местничества при активизации использования в сфере государственных служб идеи назначения по принципу личных качеств государственного деятеля, а не его происхождения. Создавая две подкомиссии в составе традиционной Комиссии «вверху», царь добивался того, что служба представителей одного и другого подразделений переставала считаться совместной, что формально ликвидировало основание для возникновения местнических споров.

Та же цель (обойти правила местнической системы) лежала в основе разделения всех членов, оставленных при особах царствующего дома, на группы «при царице», «при наследнике», «при царевнах больших» и пр. В данных случаях худородным, но высокопоставленным выдвиженцам царя, оставленным при царице, противостояли традиционно высокородные дядьки царевичей, такие как боярин князь Федор Федорович Куракин. Для тех и других также требовалось создать формально несовместные службы для избежания местнических тяжб.

* ДР. Т. 3. Ст. 1202, 1253–1254, 1284, 1289–1290, 1306, 1313, 1343–1344, 1353, 1356–1357, 1378–1379, 1389–1390.

Помимо рассмотренной, существовала и другая тенденция изменения состава и структуры комиссий. Если первая была связана с борьбой с местнической системой, то вторая явилась следствием бюрократизации аппарата, присущей начавшему свое становление в России абсолютизму.

Непременным членом комиссий в резное время являлся думный или приказной дьяк, на котором лежала задача осуществления основного объема делопроизводства Комиссии. Как указывалось выше, только в 60-е годы XVII века при «болезнях роста» процесса усиления царской власти и расширения функций царя дьяк на время мог исключаться из состава данного органа. В 1670-е годы роль дьяческого элемента была не только восстановлена, но и существенно расширена. В разрядах середины 1670-х годов неоднократно встречаются записи, характеризующие низовой состав Комиссии, аналогичные следующим: «оставлены на Москве (перечень первых лиц в Комиссии. — *Г. Т.*), думные дьяки, да с ними дьяки разных приказов все, и неприказные...»; «на Москве оставлены были (далее перечень первых лиц в Комиссии. — *Г. Т.*), да думные дьяки, да с ними же на Москве оставлены были дьяки всех приказов, и которые в приказах не сидят...»*. Вместо одного дьяка, по росписи приписывавшегося к Комиссии, в конце царствования Алексея: Михайловича в распоряжение данного органа на время его функционирования попадали все дьяки: думные, приказные и неприказные. Комиссия для своей работы получала разветвленный, широкомасштабный бюрократический штат. Помимо этого, поскольку от работы в приказах приказных дьяков при их вхождении в Комиссию никто не освобождал, создавалась максимально тесная связь Комиссии с приказами. Входя в состав комиссий, дьяки могли использовать подчиненный им штат приказов для решения задач Комиссии.

В целом можно отметить: комиссии «на Москве» по своей изначальной сути были органом, непосредственно и наиболее тесно связанным с царем. Они являлись хранителем и представителем царской власти. Если сопоставить роль Комиссии и Боярской думы в системе государственной власти 1640-х — 1670-х годов, то представляется следующая картина: в случае, когда при решении той или иной проблемы высшая власть была представлена царем и Боярской думой, по отношению к Комиссии Дума выступала в качестве инстанции, принимавшей участие в утверждении комиссионных решений; в случае же разделения Думы и царя Боярская дума теряла функции высшей инстанции по отношению к Комиссии, при этом

* ДР. Т. 3. Ст. 1290–1291, 1.

Дума и Комиссия занимали две позиции, равноудаленные по своему статусу от государя. Комиссия «на Москве» вполне была приспособлена к прямому взаимодействию с царем без вмешательства или посредничества Боярской думы.

Сформировавшаяся после смерти Алексея Михайловича на базе комиссий «на Москве» Расправная палата заняла строго определенное положение по отношению к царю и Боярской думе, сыграла важную роль в превращении Думы из органа, соправительствующего с царем и единственного в своем роде и положении, в один из ряда государственных органов, находившихся «под монархом».

1. Государь

<...> Проявляя живейший интерес к новейшим достижениям культурной жизни Европы, царь в своих увлечениях и повседневной жизни оставался и рачительным хозяином, немало заботившимся о дворцовом и вотчинном хозяйстве. В отличие от своего отца Михаила Федоровича, Алексей фактически являлся главным управляющим дворцовым и вотчинным хозяйством. Первоначальной причиной этого послужил характер самого Алексея Михайловича и его страсть к хозяйственной деятельности, проявившаяся очень рано и выразившаяся в начальный период царствования в ведении записей личных расходов, а к концу жизни — в контроле над всем хозяйственным комплексом. Стремление царя вникнуть во все мелочи хозяйственной жизни привело к тому, что круг имений, которыми царь пожелал управлять лично, был изъят из ведения приказа Большого дворца и передан в Тайный приказ, в котором в 1663 году образовалось хозяйственное ведомство, бывшее самостоятельной хозяйственно-административной организацией. Распорядительная роль в нем фактически принадлежала государю.

По мнению И. Я. Гурлянда, впервые было сделано различие между управлением загородными имениями царя, считавшимися его личной собственностью, и управлением дворцовыми землями*.

Приказ осуществлял управление территорией в 180 тысяч десятин, поэтому Алексей Михайлович даже при всем желании не мог вникнуть и проконтролировать все частные вопросы, связанные с ней. Он в силу своих пристрастий и увлечений негласно определил круг дел, которыми интересовался особо, которые были плодом его личной инициативы и предметом царского контроля. Остальные дела были заботой хозяйственного ведомства, которое, отчитываясь перед государем, получало от него общие директивы деятельности.

* Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 67.

На основании документации Тайного приказа можно судить о том, что же непосредственно интересовало царя из проблем дворцового хозяйства, поскольку ряд документов приказа сохранили следы личной проверки и правки Алексеем Михайловичем.

Первые хозяйственные интересы пробудились в Алексее очень рано. Сохранились его собственноручные записки, датированные 1647 годом, в которых царь описывал самые мелкие расходы, например, «к Афонасию Матюшкину ходил Терешка дал ему 4 рубли денег, к Родиону ходил Алешка, а дал камки белечьей 5 аршин да полтину»* и т. д.

После 1650 года лично царем была составлена в виде таблицы «Роспись о раздаче государева жалования, киндяков и сафьянов сокольничим за потехи»**. Вообще же таблицы — характерная форма ведения хозяйственных записей для царя Алексея Михайловича, в целом не свойственная представителям его времени, демонстрирующая индивидуальность государя, сближающая его привычки и привычки современного человека. Обычай лично решать мелкие хозяйственно-бытовые вопросы, касающиеся как самого себя, так и членов царской фамилии, сохранилась у Алексея на всю жизнь. Даже такой несложный и обыденный вопрос, как меню царской трапезы, и тот подвергался царскому контролю. Поныне в фонде приказа Тайных дел хранятся росписи столовому кушанью царицы Натальи Кирилловны и царевичей Федора, Иоанна и Петра Алексеевичей с заметками царя, относящиеся к последним годам жизни Алексея. По краям росписей царь делал свои пометки, напротив наименования кушанья «линь» — писал: «хрену», которой необходимо подать к блюду, напротив «щука колодна» — «соль» и т. д. Видимо, приготовление блюд для царской семьи начиналось после утверждения меню царем.

Царь сам неплохо разбирался в кулинарии и даже пытался составлять рецепты новых блюд. Однажды он велел заведующему Аптекарским приказом Зоту Полозову учинить следующий опыт: «соединить рыбы белуг и осетров и мелкой какой-нибудь порознь и иссуша, истолчи, просеять порознь с оршаною, ситною и решетною мукою, а положить рыбной муки в оршаную в полы, в треть и в четверть, а замешав, испечь и искрошить в сухари, и те сухари в каше, в варенье каковы будут»***. Правда царь, неуверенный в результате, добавил «а учинить тайно».

* РГАДА. Ф. 27. № 56. Л. 1.

** РГАДА. Ф. 27. № 52. Ч. V.

*** Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. М., 1937. С. 84.

Царь постоянно просматривал росписи своему имуществу, а некоторые из них составлял лично. Собираясь продолжать работу с документами, принесенными к нему, он иногда делал на них пометки: «положить в моем столе росписи розные» *. (Имеется ввиду личный стол царя в приказе Тайных дел.) Позже бумаги тщательно изучались государем, исправлялись и дополнялись. Так, в росписи «полкафтаньям и шапкам» государь, уточняя, дописывал: «суконная, червчатая» **. (Возможно, описание этой шапки забыли внести в роспись, а, возможно, что Алексей Михайлович дописывал сведения о новинке, недавно появившейся и еще нигде не зарегистрированной.) Вообще же царь придавал большое значение своему гардеробу, и когда русские посланники отправлялись за границу, он составлял для них специальные росписи, в которых наказывал привезти редкие материи или украшения. В росписи Ивану Гебдону, отправленному в 1660 году в Голландию и Гамбург, царь наказывал привезти «кружева, в каких ходит шпанский король» и немного позже, подумав, приписывал на полях «и французский и цесарь» ***.

Гораздо в большей степени, нежели дела дворцовые, внимание Алексея Михайловича привлекали дела вотчинные. Царская вотчина являлась крупнейшей вотчиной страны, и круг вопросов, подлежащих царскому контролю, был существенен. Царь контролировал состояние дел в подмосковных хозяйствах, записывал и учитывал количество дворов в различных селах, лично определял размеры запашки. Сохранились его собственноручные записи о состоянии дел в Дедилове, Романове, Скопине, Домодедове, Карамышеве, в которых Алексей среди прочего отмечал, что «дворов в Домодедове — 339, людей — 740, лесу десятинного — 973 десятины, в длину 7 верст, поперечь 6 версты», и далее указывал: «Учинить пашни на Дедилове 500 десятин... на Романове — 200, на Скопине — 200» и т. д. ****

Предметом постоянной заботы Алексея Михайловича были сельскохозяйственные культуры, выращиваемые в царской вотчине. Царя не удовлетворял общепринятый их набор, каким довольствовались почти все вотчинники страны. Особо Алексей Михайлович интересовался адаптацией культур, нехарактерных для данных природно-климатических зон. Чтобы понять, какие новшества появились в царской вотчине, сравним культуры, выращиваемые здесь с производимыми в хозяйстве боярина Б. И. Морозова, считав-

* РГАДА. Ф. 27. № 301. Л. 7 об.

** РГАДА. Ф. 27. № 301. Л. 14.

*** Гурлянд И. Я. Иван Гебдон — комиссариус и резидент. С. 47.

**** РГАДА. Ф. 27. № 568. Л. 7а.

шегося одним из передовых в России того времени и находившегося примерно в одном климатическом поясе, что и большинство сел царя. У Морозова выращивали рожь (почти всегда озимую, изредка культивировалась и яровая); пшеницу (большей частью яровую), яровой овес, ячмень, гречиху, горох, коноплю, лен*. Все эти культуры были хорошо известны и в царской вотчине, традиционно здесь культивировались. Однако склонность Алексея Михайловича к нововведениям привела к тому, что стали выращивать и сравнительно редкие для средней полосы культуры, такие как озимая пшеница, полба, просо. Царь получал постоянные отписки с мест о том, как приживается та или иная культура, и старался корректировать места и площади посева. Так, в 1669 году вышел государев указ: «В Скопине и Романове ныне на весне изготовить под ячмень и просо новые земли, да в Нижегородском уезде о всех селах завести просо нынешнюю весною»**. За исключением редких случаев царь относился очень осмотрительно к выбору мест под различные культуры и был склонен несколько раз перепроверять возможность их культивирования, советоваться со специалистами. Так, задумав завести посевы льна в Домодедове, Алексей Михайлович предварительно посылал туда грамотного и надежного человека «осмотреть землю, годится ли под лен». Еще в 1664 году по государевой грамоте было велено Псковскому воеводе «прислать к великому государю к Москве непашенных крестьян самых добрых и умеющих людей, которые б доподлинно знали, на какой земле лен сеять», а А. Л. Ордыну-Наццокину поручалось «найти во Пскове мастеровых людей, которые лен сеют, и которые лен мочат и стелют, и которые лен строят на торговую руку и некоторые коленские полотна делают»***.

Дальше рядовых вотчинников пошел Алексей Михайлович и в вопросах приспособлений для обработки земли. Если у Морозова применяли соху и борону, то в царской вотчине пользовались плугом. Царь, серьезно интересовавшийся различными механическими приспособлениями, постоянно искал возможность применить их для обработки сельскохозяйственной продукции. Во дворце было заведено: интересные изобретения подносились авторами государю в виде уменьшенных копий. Так, часовой мастер немчин Андрей Крик поднес царю образец «как хлеб водой молотить», за что получил 50 рублей. Подобный же образец сделал и Моисей Терентьев, перед которым государь поставил задачу «сделать три образца: один как молотить

* Патрикеев Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967. С. 83–86.

** РИБ. Т. XXI. СПб., 1907. Ст. 1459.

*** Заозерский А. И. С. 105–106.

колесами и гирями без воды; другой — как воду провести из пруда к виноградному саду; третий — как воду выливать из риг гирями ж и колесами»*. Ивашка Вязьма с товарищами стрельцами пробовали устроить в Измайлове настоящий станок для молочения хлеба.

Царь и его помощники постоянно задумывались и над возможностью повысить урожай. Постоянным стало применение органических удобрений. Между тем, будучи человеком своего времени, Алексей Михайлович был не чужд и предрассудков своей эпохи. Царь свято верил в то, что урожаю способствует окропление полей священным маслом с водой, оставшейся после омовения ног больных монахов. Желая применить это средство у себя в Измайлове, Алексей Михайлович посылал перед севом сокольника с собственноручной грамотой к архимандриту Троице-Сергиева монастыря, в которой просил: «И ты б богомолец... прислал тайно... священного масла великого четвертака в сосуде и воды с ног больных братий, умыв сам тайно»**. Масло это должно было использоваться в специальной церемонии, предшествовавшей севу, которую разработал сам царь. Он расписал роли священников, задачей которых являлось сотворение в специальном шатре молитвы Всемилостивому Спасу и окропление пашни священным маслом с водой.

Статью особого государева интереса представляли подмосковные сады, постоянно контролировать которые царь мог, получая отписки с мест о состоянии посадок. Из них можно заключить, какие фруктовые деревья и кустарники произрастали в государевых подмосковных селах. Во множестве здесь выращивали яблони, груши, смородину красную и черную, малину, вишню. Интересно, что яблони в царском хозяйстве получали как из черенков, так и из зерен, о чем свидетельствует отписка из Коломенского царю: «яблоневых черенков посажено для прививков 1090, яблоневых зерен посажено 2400 зерен»***.

Характер царя и размах его замыслов наглядно демонстрирует идея создания в Измайлове образцового питомника, в котором планировалось выращивать виноград, огурцы кизылбашские (дыни), астраханские арбузы, финиковое дерево, миндаль, перец, хлопчатник.

Предметом исключительного царского внимания было разведение тутовых деревьев. Причиной появления столь необычной идеи, по-видимому, послужили усилившиеся связи с Востоком, в том числе Китаем, и желание производить у себя дорогостоящие

* Заозерский А. И. С. 105–106.

** Заозерский А. И. С. 83.

*** РГАДА. Ф. 27. № 532. Л. 100 а.

ткани, предмет китайского импорта в Россию. Приблизительно в 1667 году был устроен шелковый сад в Симбирске, куда тутовое семя доставлялось из Астрахани. Царь пожелал выращивать тутовник и в Подмосковье. С этой целью он направил сокольника Ракова в Симбирск с наказом воеводе Дашкову. Наказ определял: «Будет тутовое дерево растет кустами и тебе б прислать в Москву 100 кустов, да тех же деревьев нарезать черенков». В Москве тутовник прижиться не смог, царь же, не желая отступать от первоначальной задумки, издал указ: «Такого мастера сыскать, хотя дорого дать, чтоб умел завести и червей кормить таким кормом, который бы был подобен туту, или из тутового дерева бить масло, и в то масло иных деревьев листья или траву обмакивая кормить червей и за помощью Божией завести шелк в Москве»*. Эта идея также не оказалась удачной. Из описания Пахринского сада, сделанного после смерти Алексея Михайловича, ясно, что тутовые деревья остались такими, как и были посажены, то есть по «чети аршина» (18 см).

Большое значение в хозяйстве Алексея Михайловича придавалось животноводству и птицеводству. Разводили рогатый скот, свиней, овец, лошадей, гусей, уток, кур различных пород. Лично царь занимался выпиской из-за границы новых пород птицы и скота. Интересовала его и селекционная работа в собственном хозяйстве. Свидетельством этому может послужить доклад ясельничего Вышеславцева от 25 марта 1675 года, в котором тот передавал распоряжение «жеребцов к которым кобылицам припущать» «которых великий государь укажет»**.

В 1663 году царь поручил дьяку Тайного приказа Дементию Башмакову, посланному с дипломатической миссией на Украину, «в Черкасских городах купить племенной рогатой животины, большой породы быков и коров по 100 животных, да ордынских баранов и овец, которые пригонят из волжской земли и татарских улусов, 100 животных»***. Эта покупка дала толчок для торговли на московском рынке ордынскими баранами и овцами, пригонявшимися татарскими купцами.

Интересовался Алексей и заготовкой лекарственных растений, которые неплохо знал, и которые в XVII веке составляли основное сырье для изготовления сахара «сераборинного», мази «серабориннойбелилной», различных сахаров от кашля и других лекарственных средств. В письме к стольнику и московскому ловчему Афанасию

* Заозерский А. И. С. 122.

** Кутепов. Царская охота на Руси. СПб., 1898. С. 64.

*** Заозерский А. И. С. 113.

Ивановичу Матюшкину Алексей Михайлович давал распоряжение о сборе целебных трав: «Которые волости у тебя в Конюшенном приказе ведомы, и ты б велел тех волостей крестьянам и бобылям на рождество Иоанна Предтечи, июля в 24 день, набрати цветиу сераборинного да трав империковой и мятной с цветом и дягилю идягилного коренья по пяти пуд»^{*}. Для Алексея Михайловича, впрочем, как и для большинства людей XVII века, природа представлялась как нечто близкое, хорошо знакомое, связь с которым он всегда ощущал. Царь хорошо знал, когда созревают те или иные необходимые человеку травы и растения, когда их нужно собирать, чтобы они сохранили лучшие свои свойства.

Лекарственные травы не только собирались в дикой природе, но и разводились в огородах. Здесь культивировали такие растения как кошачья мята, рута, чабер, шалфей, гвоздика и многие другие. Собранные в царском хозяйстве культурные и дикие травы поступали в Аптекарский приказ.

В царских вотчинах активно занимались изготовлением разного рода напитков: медов, квасов, пива. Сырье для их производства выращивали в собственном же хозяйстве. Государь всегда лично приезжал испробовать напитки, а о том, что с ними делается и когда они будут готовы, специально отписывали государю. На рабочий стол царя систематически ложились документы, аналогичные следующим: «В Алексеевском твоём стане, государь, боярские прохожие меды хороши, только поокрепчали, а пить можно. А подделать их без твоего, государь, указу не смею, для того, что до твоего, государь, пришествия не устоятца. Пива, которые похмельнее, и те зело хороши, а те, которые мало хмельные, и те поокисли, а пить можно. Квасы твои государевы стали один хорош, а другой поплоче. А которые квасы по твоему государя указу вновь варить велено, и те станут варить сего числа»^{**}.

Велись в царском хозяйстве и большие строительные работы. Царь постоянно был хорошо осведомлен о них. Главный источник — письменные доклады подъячих приказа Тайных дел. Они представляли собой документы, аналогичные следующему отчету о поездке подъячего с инспекцией в Измайлово: «Юрьяна и я, твой холоп, в селе Измайлово для осмотра места, где пристойно быть на острове часам, и как по мере оградная стена и уступ у пруда, и меж тех стен на сад оставить место, и где быть амбарам, в которые класть угорские лесные запасы, и под тутовых садовна

^{*} Дополнения к Актам историческим (ДАЛ). СПб., 1846–1875. Т. 3. С. 253–254.

^{**} РГАДА. Ф. 27. № 357. Л. 34.

истоке, и быть пруду скольких саженьх уступя от лебедевского пруда, делать плотину, и какова мерою будет, и глину на черепицу и на кирпичное дело осмотреть впредь для заводов, где пристойно, ездили и осматривали вчера в 27-м числе»*. Нередко к докладам царю прикладывались чертежи и проекты. Так, автор выше описанного нами доклада обещал прислать «всему досмотр на письме и чертежи». Государь, читая эти доклады, делая на полях пометки. В одном из распоряжений Алексей указывал: «Чертежи перечертить и подписать длину прудам»**. Среди сохранившихся документов нередко встречаются доклады подьячих о лесе, купленном для построек или иных нужд по велению царя, например: «И по твоему, великого государя, прежнему указу сторговано у лесника Фильки Анофриева в Косткино лесу хоромнона соснового в отрубе в 5, и в 6, и в 7, и в пол 8 вершка по 230 бревен 3 сажени ценою 100... 5 тысяч заборнику ценою 100» и т. д.***

Государь требовал точности в отчетах о купленном лесе, точности чертежей планируемых к постройке хором, постоянно перепроверял полученные данные. Выполняя царевы распоряжения, государю отписывали: «К тебе, великому государю, послано с подьячим Герасимом Протасовым 3 росписей досмотру садам Коломенскому и иным..., чертежи Алексеевским хоромам да 2 росписи: одна мера хором, а другая: сколько какова лесу на те хоромы надобно, чертеж с писцовых и с межевых книг, списки селу Степанову, 4 чертежа да 2 росписи досмотра пустошам села Дмитровского и т. д.»****.

Занимаясь управлением своим хозяйством, вникая в мельчайшие детали ряда проектов, Алексей Михайлович, между тем, старался полагаться не только на свое мнение, но и охотно прислушивался к голосам опытных людей. К числу таких можно отнести приказчика села Измайлово Устина Зеленого. В одной из своих повседневных записок-планов царь отмечал для памяти: «Поговорить с Устином Зеленым, чтоб он ведал, чтоб в Измайлове быть дворам. С ним же поговорить: к винокуренному заводу на 5 винокурен сколько сажень дров надобно»*****.

Алексей Михайлович пытался применить в строительстве и свои личные проекты. При устройстве мельницы царь предлагал способ сооружения плотины, о чем записывал: «Поговорить с подмастерьями:

* Заозерский А. И. С. 88.

** РГАДА. Ф. 27. № 357. Л. 1.

*** РГАДА. Ф. 27. № 357. Л. 43.

**** РГАДА. Ф. 27. № 357. Л. 44.

***** Заозерский А. И. С. 93.

можно ли в плотину класть рад елани, ряд навозу, ряд кострицы и будет ли крепко»*.

Инициатива царя стала причиной устройства стеклянного завода в Измайлове. Царь был большим любителем итальянских стеклянных изделий и еще в 1652 году, посылая во Флоренцию Ивана Лента, ассигновал на их закупку 10 000 рублей. Видимо, слишком высокие цены на итальянские изделия вынудили царя завести собственное дело. Уже в 1658 году в составленной под руководством царя росписи Ивану Гебдону, посланному в Голландию, требовалось привести мастера стеклянного дела, который бы умел чистое стекло, всякие сосуды чеканные и резные делать и знал бы землю, в которой бы такие стекла** , а также прислать «земли, в чем делается веницийское стекло, и вывести к Москве из Виницей золы лутчей, в чемстекляничные сосуды делать и хрустальной цвет». Дело в России пошло, и уже в 1669 году семи мастерам было выдано жалование. По описанию села Измайловского, сделанного уже после смерти Алексея Михайловича, на Измайловском заводе оказались «всякие запасы к фигурному делу: пуд стекла тянутого с золотом и с финифтью, и с красками, финифти белой, желтой, лазоревой полчетверти фунта, бисеру желтого, зеленого 2 пунта без чети», а также «разные приспособленица, чем делаюцца фигуры»***.

Инициатива Алексея Михайловича, выраженная в его именном указе, привела в 1669–1670 годах к устройству в селе Чашникове сафьянового завода. От царя же исходило распоряжение о постройке кожевенного завода: «Приказать Семену Нестерову (управляющему хлебным приказом) завести кожевенный завод, где пристойно, а смогли покупать в Мордве и Черемиси»****. Этим указом Алексей Михайлович определил круг поставщиков. <...>

* РГАДА. Ф. 27. № 357. Л. 4.

** Гурлянд И. Я. Иван Гебдон — комиссариус и резидент. С. 10–11.

*** Заозерский А. И. С. 136.

**** Заозерский А. И. С. 141.